

На протяжении всего пути звучала музыка, а паланкин раскачивался так сильно, что Чжао Му едва не уснул. Внезапно раздался голос:

— Просим новоиспеченного зятя выйти из паланкина.

Чжао Му медленно открыл глаза. Едва он выбрался наружу, как в него полетели бобы. Услышав выкрики: «Союз нерушимый, скорейшего рождения наследника», — он решил промолчать и стерпеть.

Он помнил, что в древности существовал обычай разбрасывать бобы на свадьбе, чтобы отогнать злых духов и обеспечить молодым счастье и покой. Однако обычно это делали специальные люди, осыпая паланкин невесты перед домом жениха. Кто же бросает бобы прямо в человека?

Сваха поспешила с объяснениями:

— Молодой господин, это особое распоряжение второй барышни. Говорят, так можно изгнать скверну, которую вы принесли из поместья хоу.

Чжао Му лишь усмехнулся: и правда, в поместье хоу от него одни неприятности. Он последовал за провожатыми к главным воротам, где слуга в панике закричал:

— Живее, раздувайте жаровню сильнее!

— Ого, судя по тону, они решили меня сжечь заживо, — подумал Чжао Му. — В древности женщинам нелегко, хорошо хоть я переродился мужчиной.

Он поманил Пинъаня, тот тут же подал веер. Чжао Му взмахнул им над огнем, силой прибивая пламя к земле, и перешагнул через жаровню. Слуги клана Оуян не ожидали такой прыти от зятя. Увидев, что он миновал огонь, они поспешили установить седло.

Подойдя к седлу, Чжао Му невольно усмехнулся. Похоже, клан Оуян нельзя недооценивать. Седло установили на две длинные скамьи, и его высота оказалась на уровне груди Чжао Му. Рост прежнего владельца тела составлял около метра восьмидесяти, а с учетом подошвы обуви — все метр восемьдесят пять. Кто-то явно решил устроить ему проверку. Оглядевшись, он заметил у галереи бамбуковый шест и велел Пинъаню принести его.

Отойдя на три метра, Чжао Му разбежался и, используя шест как опору, перепрыгнул через седло. Этот трюк изумил всех присутствующих. Оуян Насюэ молча наблюдала за происходящим, и интерес к будущему зятю в ее сердце только разгорелся.

На самом деле Хэ Цин, личная служанка Оуян Налань, сама едва сдерживала волнение — все эти козни придумала старшая барышня. Когда несколько дней назад Оуян Ная вернулась в отчий дом и узнала, что Налань выходит замуж за Чжао Му, она пришла в ярость. Вот и решили устроить жениху «теплый» прием.

Чжао Му осторожно перешагнул через седло, и гора свалилась с его плеч. Он тихо выдохнул:

«Наконец-то дошли до поклонов. Надеюсь, больше сюрпризов не будет».

В этот момент под руку со служанкой медленно вышла Оуян Налань. На ней было роскошное красно-зеленое свадебное платье, лицо скрывал круглый веер, и она была похожа на спустившуюся с небес небожительницу. Когда она подошла, Чжао Му поспешно протянул ей конец красной шелковой ленты.

Оуян Налань изящно приняла ленту, и они встали плечом к плечу, готовясь к церемонии. Однако в этот момент Чжао Му заметил на почетном месте две поминальные таблички, а вместе с той, что принес Пинъань, их оказалось целых три!

Гости были потрясены, по толпе пополз шепот:

— Удивительно! Сколько живу, впервые вижу, чтобы сын из дома хоу пошел в зятя!

— И не говори, еще и поклоны перед табличками бьет, неслыханное дело!

— Но с другой стороны, Чжао Второй счастливчик, не придется терпеть придирки свекра и свекрови.

Раздался дружный хохот. Пинъань, наблюдавший за этим, покраснел от ярости и хотел было броситься к обидчикам, но Юэ Цин вовремя схватила его за рукав и прошептала:

— Пинъань, не горячись! Это дом Оуян, они сами разберутся, не навлекай беду на господина!

Как только она закончила, болтливых гостей действительно выставили вон.

После церемонии они наконец вошли в спальню. По традиции следовало совершить обряд осыпания постели. Хэ Цин подошла к молодым, поклонилась и произнесла:

— Господин, барышня, прошу прощения за дерзость.

Она вместе со свахой начала разбрасывать по углам кровати красные финики, арахис, лонган и семена лотоса, символизирующие удачу, при этом выкрикивая благопожелания о скорейшем рождении наследника и вечной любви.

Когда поднос опустел, Оуян Налань улыбнулась:

— Наградить.

Хэ Цин поняла намек, взяла ножницы и отрезала по пряди волос у молодых. Она связала их вместе и произнесла:

— Желаю господину и барышне прожить в согласии до седых волос.

По обычаю, дальше должно было следовать шумное празднование в спальне, но так как Чжао Му был пришлым зятем, а все опасались Оуян Налань, гости решили пропустить этот этап.

Чжао Му, измотанный за день, едва дождался, когда все разойдутся. Он уже собирался лечь, как Налань внезапно спросила:

— Ты разве не пойдешь развлекать гостей?

— Я же пришлый зять, неужели и это входит в мои обязанности? — прямо спросил Чжао Му.

Оуян Налань, не глядя на него, налила себе воды:

— Или мне, беременной, идти?

— Ладно, ты права, беременным закон не писан, я пойду.

Чжао Му, волоча ноги, под присмотром Хэ Цин и Хэ Юэ обходил столы, и лишь спустя пару часов все закончилось. Вернувшись, он застал Налань уже после купания. В простом длинном платье она напоминала лотос, вышедший из воды, каждое ее движение было наполнено изяществом. Днем в свадебном наряде она ослепляла, в чайной казалась деловой — сколько же ликов у этой женщины?

Чжао Му засмотрелся. Влажные пряди волос прилипли к ее белой шее, добавляя ей очарования. Заметив его взгляд, она слегка кашлянула. Чжао Му пришел в себя и неловко потер нос.

— Ты сегодня неплохо справился, — нарушила молчание Налань.

Чжао Му приподнял бровь:

— Само собой, я не мог уронить лицо, как-никак я второй господин поместья хоу.

Он подошел к столу, налил воды и залпом выпил. — Но твои сегодняшние козни стоили мне немалых сил.

Уголки губ Оуян Налань слегка приподнялись:

— Это не ко мне. У тебя дурная слава, вот они и решили тебя проучить.

Этот ответ вогнал Чжао Му в тоску. Опять он крайний. Потосковав немного, он сел на край кровати:

— Ты беременна, день выдался тяжелым, отдыхай.

Налань кивнула, но едва она легла, как в дверь постучали. Чжао Му, выпивший немало вина, был раздражен, но, взглянув на лежащую Налань, покорно пошел открывать.

За дверью стояли Юэ Цин и Хэ Цин, у последней в руках был поднос с пельменями. Чжао Му мысленно застонал — сколько же еще этих обычаев?

В комнате Налань села на кровати. Хэ Цин вошла, поклонилась и сказала:

— Барышня, вы еще не ели пельмени.

Налань, тоже уставшая от всех этих церемоний, внезапно сказала:

— Отдай их зятю. Все равно он пришлый, рожать не ему, так что пусть ест.

Чжао Му помрачнел, но, увидев взгляд Налань, покорно съел пельмени и буркнул:

— Рожу.

Хэ Цин довольная удалилась. Юэ Цин добавила:

— Господин, я буду дежурить за дверью, если что нужно — зовите.

Она поклонилась и ушла.

Налань, глядя на служанку Чжао Му, решила подшутить:

— Неплохая у тебя девчонка. Небось сейчас за дверью плачет, боясь, что я тебя съем? Может, пустим ее внутрь?

Чжао Му проигнорировал ее насмешливый взгляд. Он хотел было задуть свечу, но Налань остановила его:

— В брачную ночь свечи не задувают.

Чжао Му промолчал и лег спать — день был слишком утомительным. Налань, видя, что он больше не проронил ни слова, тоже легла. В комнате воцарилась тишина, каждый думал о своем. Но не успели они успокоиться, как за окном раздался странный шорох, будто кто-то бродил рядом.

<http://bllate.org/book/21550/2216459>